

«Ужасный век, ужасные сердца!»

Заголовок этого обзора – последние строки из пушкинского «Скупого рыцаря» – пришли в голову после просмотра нескольких телепередач минувшей недели. Каких только ужасов мы не насмотрелись! Про убийства, увечья, изнасилования и прочие пожары и снегопады я уж молчу, свежую струю внесла разве что очередная драка Жириновского – на этот раз с помощником Богданова. Горе-соперники за кресло президента грозили пристрелить друг друга как бешеных собак, рекомендовали оппоненту подумать о безопасности своей семьи, в общем, всячески старались сделать из вялой, мало кому интересной борьбы нанайских мальчиков подобие схватки титанов. Было противно.

Публику занимало другое – последнее время всё чаще появляются на экране жуткие кадры маньяков, насилующих и убивающих женщин и детей, сообщения о терактах и разгуле наркоторговли. И неудивительно поэтому, что в очередной передаче «К барьеру!» Владимир Соловьёв предложил тему смертной казни. Как известно, смертная казнь у нас в стране не отменена, но на приведение её в исполнение наложен мораторий. Что фактически означает, что у нас любого преступника казнить нельзя. Вот по этому поводу лидер «Международного евразийского движения» Александр Дугин спорил с известным адвокатом и лидером партии «Гражданская сила» Михаилом Барцевским.

Глядя на Александра Дугина, трудно было не удивляться. Заявивший себя православным христианином почтенный старец, потрясая бородой, вопиял за право государства казнить и не миловать. Михаил Барцевский стремился противопоставить эмоциям логику. Словом, было интересно. Другое дело, что никто никого не убедил. Хотя глас народа на сей раз не стал гласом божьим: трое против одного требовали смерти, смерти, ничего кроме смерти.

А ведь отношение к казни – проблема проблем, и нет тут простого решения. И диву даёшься: куда делась русская «милость к падшим», сочувствие даже к последнему душегубу, если его уже уперли в тюрьму? В прошлом свирепость русскому человеку была органически чужда.

Понимая, что мораль нынче не та, что раньше, Барцевский упирал на очевидное: ещё неизвестно, что хуже: немедленный расстрел или двадцатилетняя пытка в одиночной камере, не говоря уж о пожизненном заключении.

Ему возражали: матери изнасилованной и убитой девочки невыносимо знать, что дочка нет, а этот подонок всё-таки живёт, дышит одним с ней воздухом, топчет землю, пусть даже это пол в тюремной камере, и надеется на помилование «за примерное поведение». Даже какая-то часть её налогов идёт на прокорм выродка. Смерть, только его смерть облегчит её страдание.

Всё правда. И всё же попробуем посмотреть на проблему чуть спокойнее. Да, заключённый вроде бы получает право на жизнь, скудную пищу и возможность видеть небо через решётку на окошке. Даже изредка гулять по тюремному дворику. Но ведь известно, что уже лет через пятнадцать такой жизни сознание человека, как правило, меняется, психика его изуродована, он, даже выйдя на волю, никогда не сможет снова социализироваться, он едва ли не превращается в растение. А если пожизненно...

Помещать таких людей в общую камеру опасно: ведь если он убьёт сокамерника или надсмотрщика, как его накажешь? Дать ему второй пожизненный срок? Добавить к двадцати годам ещё двадцать? Вот почему даже медсестра при необходимости делает ему укол через прутья клетки, не входя в камеру.

Очень часто такие люди умирают куда раньше, чем кончается срок их заключения, так что двадцать лет или навсегда – разницы тут чуть.

Мы знаем удивительные случаи, когда, например, народоволец террорист Николай Морозов провёл в царских тюрьмах двадцать один год и, выйдя, стал крупным учёным. Но ведь на каторге и в тюрьмах он имел возможность заниматься наукой, изучал химию, физику, астрономию, математику, писал стихи. Я подозреваю, что в тюрьме ему было едва ли не спокойнее заниматься науками, нежели на воле организовывать покушение на царя. Ещё один, на этот раз американец, справедливо осуждённый на пожизненное заключение, стал прямо в тюрьме орнитологом с мировым именем. У него в камере был огромный «птичник», он переписывался со всем миром, и его «корреспонденты» могли не знать, откуда получают письма.

Наши преступники, мягко говоря, науками интересуются мало, и думать, будто в тюрьме им будет так же вольготно, как двум вышеупомянутым товарищам, уж совсем наивно. Медленная казнь для последнего негодяя – казнь страшная, невыносимая. Они живут без права на свидание и на переписку. Поэтому обвинять в милосердии противников расстрела террористов, насильников, педофилов, душегубов, наркоторговцев, по меньшей мере, несправедливо. Известно, что охрана тюрьмы для пожизненно заключённых, с мрачным юмором названной «Белый лебедь», озабочена, главным образом, не возможностью побега, а предотвращением суицида. Военный преступник, поделник Гитлера Гесс дожил в немецкой тюрьме Шпандау до преклонных лет, но в конце всё-таки покончил с собой: тюремщики не доглядели. Его жизнь недавно была показана на ТВ. Содержали его, кстати, куда лучше, чем в «Лебеде».

Общеизвестно, что идущий на преступление мало думает о возможном возмездии, он уверяет себя, что избежит поимки. Так что казнь его не испугает. А уж фанатика-шахида, сознательно идущего на смерть и уверенного, что сразу после взрыва он попадёт в рай, где его ждут прекрасные девушки и столь же доступные мальчики, грядущей смертью можно только заманить. Нам, для кого жизнь – важнейший, самый дорогой дар, не понять смертника, для которого гибель желанна, а земная жизнь представляется лишь цепью ненужных страданий. Вы его убьёте, а он вам ещё и спасибо скажет.

Но главное всё же не это. Иешуа в великом романе Булга-

Общеизвестно, что идущий на преступление мало думает о возможном возмездии, он уверяет себя, что избежит поимки. Так что казнь его не испугаешь. А уж фанатика-шахида, сознательно идущего на смерть и уверенного, что сразу после взрыва он попадёт в рай, где его ждут прекрасные девушки и столь же доступные мальчики, грядущей смертью можно только заманить. Нам, для кого жизнь – важнейший, самый дорогой дар, не понять смертника, для которого гибель желанна, а земная жизнь представляется лишь цепью ненужных страданий. Вы его убьёте, а он вам ещё и спасибо скажет.

Но главное всё же не это. Иешуа в великом романе Булгакова спокойно говорит могущественному Пилату, угрожающему перерезать тонкую нить жизни опасного бродяги: игемон не в состоянии оборвать эту нить, это может сделать только Тот, Кто жизнь на эту нить подвесил. И в самом деле: кто мы такие, чтобы лишать жизни кого бы то ни было? Нет тяжелее греха, чем грех самодовольства: я лучше других, я имею право решать, жить им или нет. Ну ладно, я не насилывал и не убивал, но так ли уж я непорочен? Гожусь ли я на роль Верховного Судьи? Достаточно так спросить себя, чтобы ответ напросился сам собой.

Что уж говорить о возможности судебных ошибок, когда казнят невиновного – а таких случаев, мы знаем, не один и не два. И о психике какого-нибудь садиста и насильника тоже говорить сложно: трудно поверить, что растлитель и убийца малолетних психически полноценен, что бы ни говорили нам психиатры. А если он больной, так убивать не отвечающего за свои поступки тоже ведь нельзя. Ясно, что позволить ему жить среди нас недопустимо, а значит, надо изолировать до конца его дней.

Полезно подумать и о том, что подонки стали подонками, живя в нашем с вами обществе. Когда он родился, он точно так же, как и все мы, сосал грудь матери и пачкал пелёнки.

Поэтому, с одной стороны – эмоции, жажда мести: уничтожить мерзавца, и желательно, чтобы перед смертью он помучился, как мучились его жертвы.

А с другой – рассудок: не я подвесил эту жизнь, пусть мерзкую и гнусную, на ниточку, и не мне эту ниточку обрезать, на то есть другой суд. А когда люди, видя вокруг злобу и ненависть, ожесточаются и голосуют за жестокость и насилие, становится страшно, ибо если убить убийцу, на свете просто будет два убийства. Никакая справедливость не восторжествует, ибо жизнь священна и неповторима, и убив, обратно повернуть колесо уже нельзя. Не воскреснет несчастный замученный ребёнок, не встанет человек, разорванный бомбой террориста, не вернётся, увы, к нормальной жизни большинство наркоманов.

В общем, в этом вопросе, как и во многих других, ум с сердцем не в ладу. «И в этом дело всё, и в этом вся печаль».

Владимир ЖЕЛЬВИС,
профессор ЯГПУ
им. К. Д. Ушинского.